

Культура. 2003. 18-24 дек. - с. 14

“Страдание — это нормальная плата за несправедливую и великолепную судьбу”

К 90-летию со дня рождения Жана Марэ

Жан Марэ — выдающийся французский актер, кумир нескольких поколений, до преклонных лет оставивший грезы и воплощением мужского идеала для тысяч поклонников во всем мире. В декабре 2003 года ему исполнилось бы 90 лет.

Душа ребенка Жанно

Валлорис. Маленький провинциальный городок на юге Франции. Все го пятнадцать минут езды от фестивального Канна — и попадаешь в настоящий город гонимых: повсюду керамические изделия — в небольших частных магазинах, в галереях и просто на улицах. Огромные глиняные сосуды украшают центр города. Местные гонимые, каждый на свой манер, создают из глины “обыкновенное чудо”: факто разнообразия форм, орнамента, разноцветной глазури не увидишь нигде. Здесь совершенно особая атмосфера, особая энергетика. Валлорис притягивает к себе творческих людей. Здесь жил и работал Пикассо. Здесь бывал Кокто. Сюда же переехал на склоне лет замечательный актер, легенда французского кино, кумир 40–60-х годов Жан Марэ, увлекшийся гонимым ремеслом и скульптурой и ставший почетным гражданином города.

проявлялся в том, что он бузил, дерзил, дрался, чтобы только не стать любимчиком учителей, плохо учился, отличаясь лишь по декламации и физкультуре, так как считал, что это пригодится ему в будущей профессии актера. “Но учителя любили меня”, — вспоминает Марэ. Он был обаятелен даже тогда, когда не жалал этого. Постепенно, шаг за шагом, взрослея, Марэ искривляет от своих недостатков, врожденного чувства справедливости берет свое. Он жаждет нравиться, проявляет интерес к учебе. Он хотел бы учиться дальше, но ему исполняется шестнадцать — и нужно зарабатывать на жизнь. Жан не смеет сказать об этом матери и бабушке и начинает работать учеником на заводе, затем учеником фотографа, ни на минуту не забывая о своей мечте стать актером.

Встреча с Кокто

Он дважды поступает и дважды проваливает экзамены — сначала в театральное училище, затем в Школу драматического искусства. Но, веря в свою счастливую звезду, Марэ не отчаивается и поступает на курсы знаменитого актера Шарля Дюллена. Вместо платы за учебу он подрабатывает у него статистом в театре. Дюллен отмечает прилежного ученика, но не видит в нем яркого дарования. Счастливым случаем сводит Марэ в 1937 году с Жаном Кокто в молодежном спектакле “Царь Эдип”. Великий поэт, драматург, эссеист был именно тем человеком, в котором так нуждался Марэ. Вначале Кокто заинтересовывается молодым человеком, остротная увлеченность театром, благородство и красота юности очаровывают его. Затем он влюбляется в Марэ и признается ему в этом. Марэ потрясен. Кроме уважения и преклонения перед великим поэтом, у него нет к нему никаких других чувств. Слабый физически, курящий опium, постоянно болеющий Кокто вызывает скорее сострадание, и Марэ решает: “Я же хочу быть артистом, ну что же, я сыграю роль влюбленного, чтобы человек, которым я восхищаюсь, был счастлив”. Марэ пришлось долго играть эту роль: каждый, кто приближался к Жану Кокто, не мог его не любить. Марэ не стал исключением и вскоре полюбил его всем сердцем.

Кто знает, как сложились бы дальше судьба Жана Марэ, если бы судьбы этих людей не пересеклись. Марэ всегда сетовал на то, что у него не хватает образования, и Кокто — необыкновенно талантливого, эрудированного в любой области, обладающего неискаемой фантазией человека — стал для него не только близким другом, но и учителем. Кокто обожал Жана Марэ и хотел заменить ему и отца, и мать. Они были друзьями 25 лет, и это время — ни тени недоверия друг к другу, ни одной размолвки. Это была прекрасная дружба двух прекрасных людей. Жан Марэ вдохновил Кокто на создание таких фильмов, как “Вечное возвращение”, “Красавица и Чудовище”, “Рюи Блаз”, “Орфей”, ставших классикой французского кино и принесших Марэ известность и амплитуду романтического героя.

Верный Мулук

1939 год. Война. Жан Марэ становится водителем бензовоза и даже получает Военный крест за мужество и отвагу. Он настолько верит в свою необыкновенную удачу, что однажды, прощая опасность, рискует и проезжает на грузовике по заминированному полю. При бомбежке самолетом не кланяется в пулю. Сам Марэ не видит в своем поведении ничего героического. Наоборот, ему казалось это очевидным, нормальным. Его воспоминания о тех днях — вереница анекдотических ситуаций. Он скажет потом: “Я не бежал от героизма, но героизм упорно бежал от меня”.

Долгожданная слава приходит к Жану Марэ в 1943 году после фильма “Вечное возвращение”, где он снимается со своей особой — Мулуком, подорванным на войне и ставшим ему верным и любимым другом. Марэ становится звездой, его догоняют поклонники и поклонницы. В детстве он мечтал быть кумиром зрителей. “Небо услышало мои молитвы и внял мои — с улыбкой говорил Марэ. — Как жаль, что я не догадался попросить Бога сделать меня большим актером. Может быть, я был бы им”. Недовольный своим высоким от природы голосом, он начинает курить, чтобы понизить его тембр. Глобо проигрывает характерную хрипоту и непостоянную индивидуальность. Марэ относится к своей высокой критично, никакой особенной гордыни. Удивляясь в нем его естественности и простоты, огромное обаяние, душевность, человечность. Он никогда не казался себе красивым, никогда не был человеком с претензиями, даже во времена своего триумфа. “Всегда доступный другим, он принимал, не доступный, всех представителей прессы, кроме “парков”, не строил из себя важную персону, подобно другим известным актерам. Жан Марэ был правдив по отношению к самим себе и по отношению к другим. Но он мог быть и жестоким, когда следовало заступиться за кого-либо из его друзей, плохо перенося, когда ему противоречили”, — отмечает его биограф Кароль Вайсвайлер.

С годами дороги Марэ и Кокто расходятся, но это не означает охлаждение отношений, которые из близких становятся друзьями, родственниками. У Марэ раскрываются крылья. Зная такую великолепную старт благодаря Жану Кокто, он ищет свой собственный путь. Марэ красив, силен, очень пластичен, а его энергия хватала бы на пятерых. Он еще не знает, какой жизненный марафон ему предстоит, но он готов, он чувствует, что способен на многое.

Не только романтик

Жан Марэ постоянно играет в театре. Он будет вечно театру до конца жизни. “...Я не с чем не могу сравнить

Верху: Ж. Марэ у бюста Ж. Кокто. Внизу: на Московском международном кинофестивале. 1961 г.

Мила Парелли, актриса, с которой у Марэ был роман, рассказывала, что он полуслушно-полурезво сделал ей предложение. Правда, этот брак продержался недолго, но они остались друзьями на всю жизнь. У него хранилась фотография Марлен Дитрих в купальнике, которую он подарил Марэ в 1943 году.

нута с балкона на грузовик. Он прыгает по сосальнику с крыши машины на землю и ломает себе обе руки. Это не помешало ему пролететь над городом, и гипсом на предплечье, но поведенным к вертолету спальному троюе. Не следует полагать, что у Марэ была спешная горячая голова. Опасные трюки, которые он делал, тщательно рассчитывались. Он заставлял себя отравлять жест за жестом каждый элемент, прежде чем покуситься на приключение. Марэ, будучи большим каскадером, не занимался никакими видами спорта, только лыжами зимой и плаванием летом. На вопрос, почему он стал актером, Марэ отвечал: “Чтобы не быть шутком в жизни”.

Щедрый застенчивый друг

Марэ никогда не считал. Как Кокто, он был неутомим в работе. Он обожал читать, рисовать, высекать, но редко посылал мемуары и вставки. Он путешествовал, только когда это было необходимо для его работы, и ненавидел туризм. Даже когда он не играл и не рисовал, он был пунктуален и не тратил его. Он был пунктуален и не любил, когда приходить к опозданиям. Однажды постановщик Жан-Люк Тарды пришел в кафе, где ему была назначена встреча, на две минуты позже. Марэ его ожидал недовольно с сердитыми глазами: “Если бы я был поевдом, вы бы меня уже пропустили. Значит, я вам менее важен, чем пед”.

Расточительность Жана Марэ была легендарной. Рассказывают: “В аэропорту Ниццы Марэ заметил красивую плачущую женщину и поинтересовался причиной ее слез. Оказалось, что она алжирка и у нее недостаточно денег, чтобы купить авиабилет и полететь на родину. Не говоря ни слова, Жан идет к окошку, покупает билет и приносит ей”. Он умел быть деликатным. Его подруга Жаклин Ферри рассказывала, что, приглашая ее на обед, он умудрился незаметно оплатить такси, которое она заказывала, чтобы вернуться домой. “О своей личной жизни Жан Марэ не любил открываться. Но когда его многочисленные поклонники узнавали правду о его сексуальной ориентации, какой шквал возмущенных писем обрушился на него! Они поучительствовали его обмануть. Марэ, от природы очень застенчивый, тяжело переживал ситуацию, но никто и никогда не слышал от него ни единого

слово, ни единой жалобы. Он принял все молча и с достоинством. Марэ не скрывал свою сексуальную ориентацию, но никогда и не подчеркивал ее; говорил об этом без стеснения и без комплексов, но никогда не поддерживал шутку на эту тему. Как актер он чувствовал себя лучше в компании женщин.

Цыганский сын

В течение десяти лет Жан Марэ живет со своим другом, танцовщицей Жюльеттой Раймон. Когда же Жюльетта уходит, Марэ решает усыновить ребенка, как когда-то это сделал Кокто, усыновив Э.Дермита. Однажды в баре он знакомится с молодым цыганом по имени Серж, у которого не было отца, некоторое время колеблется, но в конце концов делает этот решительный шаг, о котором ему еще придется пожалеть. Сержу девятнадцать. Его воспитанием никто не занимался, и Марэ со всей ответственностью берет на себя роль отца. Он старается привить Сержу любовь к театру, занимается его в кино, отдает учиться в школу, привлекает к оформительскому делу. Но Серж не увлекается ни танцами, ни театром. Его интерес направлен главным образом на женщин. Он меняет их с такой быстротой, что Марэ ищет свой способ прямого отца. Серж не стремится работать, он занят только своими любовными похождениями. Отношения отца и сына портятся. Серж рассказывает, что однажды у Жана Кокто отец жаловался на его праздность, но что тот возражал: “Цыгане — аристократия лени”. Кокто вспоминает: “Я несколько лет изучал Э.Дермита, прежде чем усыновить. Жанно “принимает” сына, не изучив”. Марэ с трудом находит свой путь, его увлекает сафари в Африку. Чем больше приходило лет, тем меньше было контактов у отца и сына. Много лет спустя Марэ вспоминает: “Жак Райф вспомнил фразу Жана: “Если бы ты меня не оставил, у меня не было бы катастрофы — Сержа”.

Время мемуаров

В конце 60-х годов Жан Марэ переезжает на юг Франции, где занимается скульптурой и гонимым делом вместе с супругами Джо и Ниной Паскали. Вторым они открывают магазин, где продаются гонимые изделия по эскизам Жана Марэ. Магазин так и называется: “Жан Марэ”. Ниша устраивает выставки гонимых изделий Марэ. Время от времени он выезжает в Париж, чтобы играть в театре, пишет мемуары. Он продолжает сниматься и в кино, но уже все реже и реже. С 1970-го по 1995-й он снялся только в семи картинах. Марэ стареет, но стареет прекрасно. Его невозможно назвать стариком: он статен, полон сил, глаза светятся молодым блеском. В театре он играет в спектаклях “Сирена де Беркерек”, “Тартюф”, “Король Лир”, “Эрнани”, “Сид”, “Бахус”, “Арлезианка”. В кино наиболее значительные его работы в фильмах “Отверженные XX века” и “Ускользающая красота”.

Кароль Вайсвайлер: “Злоупотреблял ли Жан Марэ своим здоровьем? Несомненно. Его купание в ледяной воде, многократные падения, переломы давали о себе знать. У него возобновились болезни: гриппа межпозвоночных дисков, воспаление седалищного нерва. В 1988 году он обследован у профессора в Ницце. Диагноз: рак костного мозга. Профессор Шиллер спросил у супругов Паскали: “Может ли кто-либо сказать, месье Марэ правду?” — Нет, — ответили они одновременно, ошеломленные этим известием, — сколько ему осталось жить?” — “В его возрасте процесс идет медленно: пять или шесть лет. Но вы правы, не стоит его беспокоить”.

Уход

По возвращении в Валлорис Марэ становится, по словам К. Вайсвайлера, “заключенным своего тела”. Страдания заставляют его постоянно повторять: “Надо плавать, плавать. Я нахожу это нормальным платой за несправедливую и великолепную судьбу”. Переливание крови, химиотерапия. Марэ безысходно находится у себя в доме. Он не может больше ни рисовать, ни делать глиняную посуду. Он с трудом передвигается. В январе 1998 года он все же отправляется в Канн на вернисаж, где выставляется его

дованная от Жана Кокто, поддерживала его существование. Его друзья и близкие были осведомлены о состоянии его здоровья. И все же его состояние мало учитывалось, когда приходилось, несмотря на возраст, делать трюки. У Марэ начинаются боли в горле — спровоцированы сигареты. Ему кажется, что это рак горла, но диагноз не подтверждается, и после нескольких сеансов лазеротерапии он снова начинает курить.

11 декабря 1993 года Жану Марэ исполнилось 80 лет. Директор театра “Буфф-Парижский”, его друг Жан-Клод Бриали, собираются сделать ему операцию. Вот уже несколько месяцев он обвиняет и пишет всем поклонникам “священного чудовища”, как любил называть себя Марэ. Он собирает поставить импровизированный спектакль в честь “праздника Жанно”. Марэ ничего не подозревает. В условленный день за ним приезжает машина с шофером и везет актера в театр... Все приглашенные уже там. Они встают, когда он входит. Марэ узнает всех своих друзей и наконец все понимает. Его сажают в четвертом ряду, рядом с Мишель Морган, он волнуется, на глазах слезы. Издатель и друг Анри Бонне, вышедший его с балкона “То ярус, скажет потом: “Вокруг него распространены слухи”. Он наливает Жану: “Я увидел твою ауру, твои сияние, ты — ангел”.

“Это самый прекрасный сюрприз из Кокто”, — признается герой праздника. Бриали стоит перед занавесом: “Невозможно отпраздновать твои 4 раза по 20 лет, не думая о Жакне Кокто. Его звезда присутствует на нашем вечере и покровительствует нам. Я несколько месяцев собирал твоих друзей, и все решили сделать тебе подарок. Никто не получил столько же любви, сколько ты... Ты не просто красив, ты прекрасен душой... Музыка, отрывки из спектаклей, скетчи следуют друг за другом, дружеские, смешные, трогательные. Все — на сцене и в зале — потеряли чувство времени. Наконец, Бриали просит виновника торжества подняться на сцену. Напряженный, волнующий момент. И вот человек, актер говорит: “Никогда, даже в своих самых безумных мечтах, я не смог бы представить, что когда-нибудь мое 80-летие будет праздноваться с таким теплом и любовью”. Голос его от волнения прерывается. Справившись с волнением, он добавляет: “Я не заслуживаю подобного чуда”. Это было, без сомнения, одно из его последних ощущений большого счастья на этой земле. Марэ заканчивает свою речь шуткой Кокто: “Чем больше свечей в нашем именинном пироге, тем меньше у нас дымящихся, чтобы задуть их”.

Площадь Жана Марэ

Актер возвращается в Валлорис. В его честь называют перекресток, находящийся перед его магазином, — площадь Жана Марэ. Он предлагает городу одну из своих скульптурных работ, которая сейчас украшает эту площадь. Гражданин города, Жан Марэ соглашается организовать фестиваль, начиная с 1990 года проходящий в Морском театре в Гольфе-Жуан, впоследствии названный его именем. Каждый год Марэ принимает участие в празднике гонимых, для которого всегда рисует афишу. В 1998 году его подруга Жаклин Ферри, видя, как он работает над афишей 1999 года, спрашивает его: “Почему ты делаешь ее так рано?” — “Потому что в будущем году меня там не будет”, — отвечает он.

Марэ все больше и больше устают, но, несмотря на свои недомогания, продолжает работать, принимая активное участие в театральных постановках, участвует в своих последних двух фильмах — “Отверженные XX века” и “Ускользающая красота”, считая их для себя подарком. Жану Марэ 83 года. Он терпит сильные боли, но утверждает: “Мне стыдно было бы жаловаться. Природа справедлива. Мне слишком поздно в жизни. За все надо платить”. Он продолжает лечиться, но результаты не обнадеживают. Марэ рисует и плавает — это его лучшая терапия.

В январе 1996 года Жак Ширак вручает Жану Марэ орден Искусств и изящной словесности. Марэ, превозмогая боль, целый час вынужден стоять на ногах. Помимо болей, которые невыносимы, он слышит все хуже и хуже. Он уже не ходит ни в кино, ни в театр. Последним большим событием актера будет роль Проперо в “Буре” Шекспира. Он рад играть эту роль, но несколько обеспокоен своим возрастом — ему исполняется 84. Марэ блестяще выучил текст. Он счастлив, что может ретироваться как раньше, он буквально помолодел. Все готово к премьере. “Буре” разрабатывалась по всему Парижу, на афишах Жан Марэ — Проперо в виде бога на облаке. Но происходит трагедия. Попаив под проливным дождем, Марэ забывает двусторонним всплыванием легких с температурой за сорок. Его отвозят в реанимацию. Но уже через несколько дней он в состоянии вернуться домой. Ставится вопрос о возобновлении спектакля. Социальное страхование отказывается покрыть “риск Марэ”. Как сказать актеру, что он больше не будет играть?

Жан Марэ поправляется медленно. Его первое письмо — Р.Лабади: “Париж был оклеветан огромным количеством плакатов “Буре”. Умереть в этот момент было бы верхом кривляния”.

Вот артист умрет дважды: один раз в жизни, второй раз — в памяти современников. Наверное, в этом есть доля правды. Актерское искусство недопознано. Суходум артиста постоянно забывает его образ, лицо, имя... Но все же хочется верить, что великого артиста, кумира и легенду французского кино, человека необыкновенного обаяния, достойно и с горной творческой отдачей прожившего свою жизнь, не забудут. И интерес к актеру, гражданину, оставившему после себя прекрасное наследие, не угаснет.

Ольга ТЕРЕНТЬЕВА

Фото Рейтер и Валентина МАСТЮКОВА

кашланы, скульптуры, керамика и литография. Это будет последнее публичное появление. На вопрос Ж.Л.Тарды он отвечает: “Ты спрашиваешь, скажу ли я? Нет... Я ожидаю свою смерть с крайним любопытством. Надо уметь подчиниться неизбежному”.

Джо и Ниша Паскали его практически не покидают. Жан называет их “моя настоящая семья”. Потрясенный Джо рассказывает: “Жан страдал все больше и больше. Несмотря на переливание, состав крови оставался плохим, и его, который никогда не жаловался, я первый раз в субботу, накануне его смерти, увидел плачущим. В этот день Джо, видя ухудшающееся состояние Марэ, остался вместе с ним в его доме. Ночью Жану Марэ стало хуже, он стал задыхаться. В четыре часа утра его увезли в больницу в Канн. На следующий день, в воскресенье 8 ноября, Джо и Ниша приехали в больницу к двум часам дня. Они встали, когда он ходит. Марэ узнает всех своих друзей и наконец все понимает. Его сажают в четвертом ряду, рядом с Мишель Морган, он волнуется, на глазах слезы. Издатель и друг Анри Бонне, вышедший его с балкона “То ярус, скажет потом: “Вокруг него распространены слухи”. Он наливает Жану: “Я увидел твою ауру, твои сияние, ты — ангел”.

“Это самый прекрасный сюрприз из Кокто”, — признается герой праздника. Бриали стоит перед занавесом: “Невозможно отпраздновать твои 4 раза по 20 лет, не думая о Жакне Кокто. Его звезда присутствует на нашем вечере и покровительствует нам. Я несколько месяцев собирал твоих друзей, и все решили сделать тебе подарок. Никто не получил столько же любви, сколько ты... Ты не просто красив, ты прекрасен душой... Музыка, отрывки из спектаклей, скетчи следуют друг за другом, дружеские, смешные, трогательные. Все — на сцене и в зале — потеряли чувство времени. Наконец, Бриали просит виновника торжества подняться на сцену. Напряженный, волнующий момент. И вот человек, актер говорит: “Никогда, даже в своих самых безумных мечтах, я не смог бы представить, что когда-нибудь мое 80-летие будет праздноваться с таким теплом и любовью”. Голос его от волнения прерывается. Справившись с волнением, он добавляет: “Я не заслуживаю подобного чуда”. Это было, без сомнения, одно из его последних ощущений большого счастья на этой земле. Марэ заканчивает свою речь шуткой Кокто: “Чем больше свечей в нашем именинном пироге, тем меньше у нас дымящихся, чтобы задуть их”.

Завещание Орфея

Кароль Вайсвайлер: “Наверное, это вечная проблема. Вопрос наследования имущества после смерти Жана Марэ стал краутильным камнем в отношениях Сержа и супругов Паскали”. В декабре 1996 года Марэ пишет свое последнее завещание (раньше имелось другое), где объявляет своей наследницей Нишу Паскали и желает начать дело по отмене нию отцовства, тем самым делая единственным наследником супругов Паскали и Нишу Сержа его долги наследства. После смерти Марэ, чувствуя себя неоправданно обиденным, Серж окружает себя нотариусами и адвокатами, обвиняя супругов Паскали в вымогательстве. Адвокат Сержа предлагает разделить имущество Жана Марэ поровну, но Паскали отказывается. Серж считает Паскали вымогателем в разрывке с отцом и не собирается участвовать в создании музея Жана Марэ, если Паскали будут его организовывать. Но родственники и близкие Жану Марэ люди видят все совсем по-другому. Вспоминает его подруга и партнерша по сцене Жильетта Райф: “Серж любил своего отца, но он не оправдывал тех надежд, которые Жан возлагал на него”.

Жан-Люк Тарды: “Во время моих многочисленных приездов в Валлорис я никогда не видел там Сержа. Никаких признаков сострадания к вымогателю у Жана Марэ дом “Ле Пре” на улице Норвеж. Он забрал все образы глиняной посуды Жана. Из-за этого нам пришлось прекратить нашу работу и закрыть магазин в Валлорисе. Мы храним также картины, принадлежавшие Жану Марэ, который должен был на этом месте”.

Две же истории? Думается, неприимиримые стороны могли бы прийти к компромиссу, чтобы почитать память любимого ими человека. Сегодня, спустя пять лет после его смерти, наследство все еще заблокировано, архивы, воспоминания, произведения искусства Жана Марэ опечатаны. В то же время писателя Жана Кокто, которые Марэ хранил у себя на улице Норвеж, и писателя Жана Марэ к Жану Кокто, которые считались угретыными, были выставлены на аукционах в Париже. Вот что случилось с последним “завещанием Орфея”.

Во все-таки, несмотря на четырехлетнюю тяжбу, 29 июня 2002 года музей “Площадь Жана Марэ” открыл свои двери в помещении бывшего магазина Жана Марэ под эгидой муниципалитета Валлориса. Он представляет собой прообраз будущего музея Жана Марэ.

Вот артист умрет дважды: один раз в жизни, второй раз — в памяти современников. Наверное, в этом есть доля правды. Актерское искусство недопознано. Суходум артиста постоянно забывает его образ, лицо, имя... Но все же хочется верить, что великого артиста, кумира и легенду французского кино, человека необыкновенного обаяния, достойно и с горной творческой отдачей прожившего свою жизнь, не забудут. И интерес к актеру, гражданину, оставившему после себя прекрасное наследие, не угаснет.

Ольга ТЕРЕНТЬЕВА

Фото Рейтер и Валентина МАСТЮКОВА